

Николай ФОХТ, «Известия»

Как объяснить Бориса Гребенщикова, Боба, БГ, лидера группы «Аквариум»? Для части поколения Гребенщиков — эпоха, пророк, небожитель. Для других — инфантильный философ, так и не научившийся толком ни играть рок-н-ролл, ни писать стихи.

На одном московском выступлении Борис Гребенщиков поразил несвойственной актуальностью: давняя песня Вертинского «Я не знаю, зачем и кому это нужно...», возникшая в репертуаре Гребенщикова лет шесть-семь назад и ассоциировавшаяся с затухавшей афганской войной, теперь прозвучала трагически и, как ни ужасно, исключительно актуально.

С этого и начался разговор в московском пристанище музыканта, на Пречистенке. Дом начала века, дух коммуналки, звуки и запахи кухни — интерьер соответствовал образу рок-музыканта.

— В нашем сознании рок-н-ролл — это «музыка протеста». Странное дело: сегодня, когда для протеста столько поводов, музыканты вдруг с головой ушли в разговоры о чистом искусстве — качестве звука, света, имидже и т.д. Эта размягченность не только раздражает — рок просто дискредитирует себя.

— За всех, конечно, нельзя сказать... Но то же самое я почувствовал, когда пришел на ТВ на этот Новый год: разгул какой-то порнографии. В том смысле, что все вроде люди хорошие, все делают вид, что ничего с нами не происходит. Когда человек пытается таким образом врать и себе, и окружающим, он очень сильно подрывает основы своей личности. Я не Шевчук, я не буду с пистолетом гулять по ночным клубам и палить в потолок, но про себя знаю: такое ощущение, что живу в тени чего-то. А пока живешь в тени, происходит деградация.

Думаю, что музыканты увлеклись погоней за внешним благополучием, даже растерялись немного. Это и немудрено: вот возьмешь газету, а — вроде складно там все объясняется, вроде и не надо бороться. Пока читаешь газету, все нормально, перестанешь — чувствуешь, нарыв ходит около сердца и не отпускает никак.

Эта старая православная традиция: чтобы изгнать демона, надо знать его по имени. Я до сих пор считаю, что «Наутилус» очень много сделал для России тем, что в песне «Скованные одной цепью» музыканты точно назвали заболевания общества, перечисляя их в каждой строчке — назвали беса по имени. Когда беса назовешь по имени, ему некуда деться: он не может не отозваться, не может не уйти.

А мы сегодня закрываем на все глаза, не хотим имен называть. Вот вроде с Чечней разобрались, согласились — внутренний конфликт. Ни фига не конфликт: мы вырубаме собственных людей. Понятно, что симптом заболевания давний, ясно, что на 90 процентов это отмывание денег людьми, которые у власти находятся. Но деньги — одно дело, а когда из-за этого погибают тысячи мирных людей, молодых солдат — это преступление открытое. И

пока ты ничего не говоришь, ты с этим соглашаешься. Молчание — пассивное соучастие.

— Сегодня модно объяснять: чего говорить, мол, вообще все, все слова, как в вату уходят. Глас вопиющего в пустыне — никто не услышит, ничего не изменится.

— Кришна, который был, как я понимаю, не самым глупым чело-

жаль — хорошая. Мне отчаянно хочется не сидеть просто в академической народной музыке или в академическом рок-н-ролле, а заниматься сиюминутным, тем, к чему лежит душа непосредственно сейчас.

Что касается восточных мотивов... Для меня рок-н-ролл и религия — вещи, взаимозависимые и друг друга объясняющие. Когда я был еще мальчиком, безо всякого анализа мне было ясно, что рок — это правильно, а все остальное, что я вижу вокруг, — неправильно. Я знал, что это мое. Потом появилось желание совместить ощущение, догадки с книжным опытом:

Борис Гребенщиков учится говорить

веком на земле, говорил по этому поводу: главное — это мотив, что тобой движет в том или ином случае. А плоды поступка — не твоё дело. Подойди с чистым сердцем, сделай, что нужно, — и никогда не ищи результатов сделанного. Нужно говорить не потому, что это как-то откликнется, а потому, что ты не можешь не сказать.

— В вашей музыке последние несколько лет восточные мотивы настойчиво пытаются переплестись с русской мелодикой. На мой взгляд, выходят всего лишь стилизации. Притом, как бы была модна восточная философия, на российской почве она неестественна, все равно чужда.

— Это не стилизация по одной простой причине: я не считаю себя отдельным от остального народа, нет никаких оснований считать себя слишком умным, гренландцем или еще кем-то. Я русский. По большому счету, получают народные песни, не потому, что я примазываюсь к народу, а потому, что я часть его и есть: то, что мне приходит в голову, — часть народного голоса.

Что такое народная песня? Кто-то ее написал когда-то, забываясь второй куплет, его подумали и т.д. В итоге через некоторое время к нам доходит измененная и уже народная песня. Так, например, происходит в шотландском фольклоре: мелодия может идти из средневековья, но на нее каждые полвека пишут новые слова, потому что предыдущие все быстро забывают, а мелодию забыть

что по поводу моих проблем люди умные думают. И выяснилось, что европейская цивилизация по этому поводу в общем ничего не говорит; православие говорит много, но мне в пятнадцать лет понять это трудно. А вот старые китайцы или цзен-буддисты рассказывают все очень ясно и, главное, очень практично. И я стал играть рок, имея в виду эту философскую базу. В итоге тибетский буддизм оказался для меня объясняющим все. Это не значит, что вся Россия должна срочно бежать в Тибет: для русских православие гораздо ближе, понятнее, точнее. Но я вот такой урод: мне хочется знать, что со мной происходит, почему я делаю так и так, что будет дальше. В Тибете, куда мы с музыкантами мотаемся часто, живет достаточное количество умных людей, которые способны ответить на вопросы, в которых сам я разобраться не могу. Я спрашиваю у девяностолетнего старика, он отвечает: дело известное, сделал то-то и то-то. По приезду в Питер понимаю: он прав — в силу жизненного опыта, огромной культуры, которая за буддизмом. Но здесь еще одно. Мой учитель говорит: помни, если у тебя доброе сердце, если ты делаешь что-то другим, то ты буддист. Если ты делаешь все только для себя — ты не буддист, как бы ты ни назывался, хоть далай-ламой.

— Мне кажется, все началось как раз с попытки привнести в советское передовое мышление культурное достояние Запада. Возникшие как бы параллельно

«Зоопарк» Майка Науменко и «Аквариум» то ли соревновались друг с другом в адаптации английских рок-н-рольных текстов, то ли вели корпоративную политику.

— Чтобы играть рок-н-ролл, нужно было поймать то самое настроение. Можно, конечно, просто перевести, но настроение терялось — у нас абсолютно другая культура. И чтобы добиться нужного эффекта, необходимо подобрать слова, по-особенному их расставить — при этом и играли мы похуже, и драйва не было, но ощущения от песенок стали возникать схожие. Мы с Майком специализировались на Бобе Дилане. Он придумывал мир, который жил по законам Дилана, я пытался чувствовать, как Дилан, описывая в песнях совершенно конкретные люди и события. Мы вместе с Диланом открывали, соревновались, кто напишет более длинную песню.

— А зачем нужен был именно Дилан — герой иного мира, иной культуры?

— Настроение... Я понимал, что Окуджава, Клячкин, Высоцкий — это не то. Я чувствовал по-другому, иначе воспринимал девушек, жизнь... И единственная причина, по которой «Аквариум» стал так или иначе популярен, в том, что мы честно гнались за этим ощущением и его ловили все время. Что-то происходило в нашем мире, мы это чувствовали и были адекватными выразителями этого дела. Мы пели о том, что с нами происходит сегодня, — и поем об этом до сих пор. Старое петь не интересно, надо писать новое. По-старому петь тоже нельзя, поэтому «Аквариум» то исчезал, то возрождался, то Гребенщиков пел один, то с «БГ-бэндом». Поэтому я сегодня пишу песенки, которые смахивают на вальс, такие чисто российские — грустные и заунывные. Это настроение берется из воздуха: мне самому не нравится, меня выворачивает, когда исполняю, но все равно пою, ничего не могу поделать.

Актуальный Гребенщиков, БГ — борец за справедливость... Не вяжется с образом пилигрима к святым буддистским местам, небожителя русского рока. На том концерте, перед Вертинским, Борис сказал что-то невнятное, что-то призывающее не сдаваться. Провожая до дверей, на прощание певец сообщил: что-то я там промямлил на концерте... Ничего, будем учиться говорить.